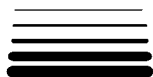

ФИЛОСОФИЯ И КУЛЬТУРА В КОНТЕКСТЕ ВРЕМЕНИ

Метаморфозы философии. Вызовы времени

МОДЕЛИ ФИЛОСОФИИ*

И.Ю. АЛЕКСЕЕВА

Самопознание философии, осмысление собственной сути и форм существования, своего положения среди других наук и в культуре в целом всегда играло важную роль в развитии этой сферы духа. Особое значение такая работа приобретает в периоды коренных изменений в обществе, становления новых экономических, технологических, нравственных укладов. Актуальность проблемы места и роли философии в духовной жизни нашей страны сегодня определяется и рядом «общемировых» тенденций, и уникальностью отечественного исторического опыта XX столетия, и своеобразием систем распределения власти и влияния, сложившихся в России к началу второго десятилетия текущего века.

На протяжении почти двух третей XX в. положение отечественной философии в культуре во многом определялось отведенными ей функциями в деле осуществления грандиозного проекта – построения социалистического, а затем коммунистического общества. После отказа государства от реализации данного проекта немало говорилось и писалось о вреде идеологических ограничений, сковывавших развитие философской мысли в советский период. 1990-е годы стали временем глубоких (и протекавших порой весьма болезненно) изменений в профессиональном самосознании российских философов. Происходило переосмысление роли и места отечественной философии в мировом философском процессе, вырабатывались новые модусы восприятия современной зарубежной (прежде всего североамериканской и западноевропейской) философии, шла переоценка сделанного в советское время, философы вынуждены были доказывать нужность и важность своей деятельности в радикально изменившихся условиях внутри страны, необходимость сохранения философии в системе образования. Было бы ошибкой полагать, что эти и подобные процессы к настоящему времени завершены. Речь может идти лишь о том, что

* Работа выполнена в рамках проекта Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ) «Философия в России: настоящее и будущее», грант № 11-03-00567а.

пройден важный этап приспособления философии к радикально изменившимся условиям социального бытия.

Если в период, который условно можно назвать адаптационным (адаптация в данном случае осуществлялась через развитие и была бы невозможна без развития), значительное место в философском самосознании занимало соотнесение настоящего с прошлым (а также отечественного настоящего с настоящим в «эталонных» странах), то сегодня на первый план выдвигается задача осмысления настоящего в соотнесении с будущим. Речь идет о перспективах философии, о ее роли в самосознании человека, о соответствии духовным запросам общества и участии в формировании таких запросов, о выдвижении нравственных и интеллектуальных заданий.

«Перспективы человека, — справедливо утверждает В.А. Лекторский, — во многом связаны с тем, какую роль сможет играть философия в осмыслении созданного наукой и техникой нового мира и в ценностной ориентации в нем»¹. Философское сообщество уже готово к обсуждению подобных вопросов и весьма заинтересовано в таком обсуждении. В этом отношении показателен изданный в Санкт-Петербурге сборник «Будущее философии: профессиональный и институциональный аспекты»². То обстоятельство, что будущее отнюдь не гарантировано, подчеркивается в статье В.Д. Губина «Есть ли будущее у философии?»³

Кризис современной философии связывают не в последнюю очередь с дифференциацией философского знания, специализацией исследований и исследователей. Философия все чаще распадается на «философские проблемы *того-то и того-то*», становится «философией физики, языка, сознания, в то время как *большая философия, настоящая философия* существует лишь в виде классических образцов прошлого, не имея современных версий. Однако не лишены оснований и сетования тех, кто говорит о недостаточном внимании философии к проблемам, порождаемым развитием разнообразных сфер деятельности человека, в том числе развитием наук и технологий. Так, И.К. Лисеев и Е.В. Петрова с сожалением пишут о том, что философское знание практически не отвечает на вызовы биологии и всего комплекса наук о живом — и это несмотря на то, что темы клонирования, эвтаназии, манипуляций со стволовыми клетками, трансгенных продуктов и т.д. широко обсуждаются не только в научной литературе, но и в средствах массовой информации»⁴.

Тема дифференциации и интеграции научного знания была одной из важных в советской философии 70 — 80-х гг. ушедшего столетия. Сегодня уместно говорить о проблеме дифференциации и интеграции знания применительно к самой философии. Кроме того, на повестке дня стоит вопрос об участии философии в так называемой НБИКС-конвергенции, т.е. конвергентном развитии нано-, био-, инфо-, а

также когнитивных и социогуманитарных наук и технологий⁵. Пути и перспективы конвергенции достаточно сложны. Объединение знаний из разных областей науки, «переплетение» соответствующих методов и подходов просто неизбежно, если мы занимаемся комплексными проблемами. Однако представления о профессионализме и компетентности связываются, как правило, с дифференциацией и достаточно узкой специализацией в рамках одной науки. Конвергенция не сводится к интеграции знаний и не всегда требует такой интеграции. Порой уместно говорить о конвергентном развитии разных областей знания в том смысле, что происходящее в одних областях способствует осознанию вопросов, актуальных для других областей, возникновению в этих областях аналогичных методов и подходов.

Перспектива участия философии в НБИКС-конвергенции позволяет не только говорить об осмыслении процессов научно-технологического развития, но и поставить вопрос о будущем самой философии как технонауки. Нет ничего принципиально невозможного в том, что в числе социогуманитарных технологий будут и философские технологии. Спектр возможностей здесь очень широк – от логических технологий, применяемых для решения узко специализированных задач, до технологий мировоззренческих.

Идея философии как технонауки открывает новые пути самопознания философии. В частности, к принятым способам организации знаний о философии, включающим выделение направлений, стилей и форм, добавляется построение разнообразных моделей философии, позволяющих не только описывать и объяснять существующие формы деятельности и знания, но и конструировать новые. Построение моделей уместно для лучшего понимания направлений, однако отнюдь не ограничивается этой задачей. Большинство профессиональных философов не принадлежат к направлениям в строгом смысле слова, т.е. к таким, что обладают характерной методологией, исходными предпосылками, основными принципами, имеют лидеров и последователей. Например, философия техники не является направлением в очерченном выше смысле, ибо для нее характерно разнообразие методологий, подходов и стилей. Тем не менее, разумно ставить вопрос о различных моделях, существующих в этой области.

О том, что современные общества становятся обществами меньшинств, говорят и пишут достаточно давно. Похоже, и философское сообщество становится сообществом меньшинств, каждое из которых имеет собственную модель существования и деятельности. Означает ли это, что можно ограничиться признанием мультикультурности и призывами к терпимости? Сегодня модно говорить, что время большой философии закончилось и роль ее может быть сведена к роли посредника в различных дискурсах. Но если так, кто будет вы-

полнять функции посредника между разными дискурсами внутри самой философии?

И стоит ли ограничивать роль философии посреднической деятельностью? Насколько надежными могут быть предсказания будущего философии? И кто из философов возьмет на себя смелость утверждать, что изучил досконально все возможности этой науки и этого искусства познания и имеет исчерпывающее знание о потребностях людей в философии? Показательна в этом отношении позиция В.В. Васильева, полемизирующего с «посреднической» трактовкой философии. «Но люди ждут от философии философских идей, а не каких-то переводческих услуг, — пишет В.В. Васильев. — И тот интерес к философии, который существует в современном мире, был бы невозможен, если бы философия играла только посредническую роль»⁶. В.В. Васильев выдвигает удивительное, на первый взгляд, утверждение о том, что классическая философия в наши дни существует в виде аналитической философии. Обосновывается это тем, что именно аналитическая философия сегодня ориентирована на доказательное решение эпистемологических и иных проблем и занимается системосозиданием. По существу, здесь мы имеем дело с построением модели философии, причем модели, вписанной в философско-технологический проект — «скрещивания» аналитической философии с феноменологией⁷.

В этом контексте уместно вспомнить о диалектическом материализме, который активно развивался еще в 80-е гг. XX в., а с позиции дня нынешнего видится как концептуальная мегасистема, наследующая классические традиции. Способность к систематическим построениям высоко ценилась в советском философском сообществе и вырабатывалась системой философского образования. Для многих направлений советской философии было характерно повышенное внимание к концептуальному инструментарию и вопросам его совершенствования, рефлексия над методом, развитие техники дискурса, экспликация понятий и способов рассуждений. Стимулом к развитию этих аспектов послужили в значительной степени идеологические ограничения, когда обсуждение категориальных и иных «техничко-философских» проблем было формой ухода от «актуальных общественно-политических вопросов», рассмотрение которых подлежало гораздо более жесткому контролю со стороны идеологии. Особенностью данной мегасистемы была ее принадлежность к марксизму-ленинизму — не только теории, но и грандиозному проекту переустройства мира. Догматические ограничения, жесткий (и даже жестокий) характер санкций за действительные или мнимые отступления от марксизма способствовали дискредитации в постсоветский период той огромной концептуальной работы, которая была проделана в рамках диалектико-материалистической философии, развивавшейся под флагом научности, но избежавшей крайностей

позитивизма. Сегодня одаренные и трудолюбивые молодые философы, исследующие проблемы философских категорий, просто ничего не знают о книге А.П. Шептулина «Система категорий материалистической диалектики». Можно согласиться с А.П. Алексеевым в том, что «постдиаматовский комплекс» в контексте стыдливости отношения к советскому прошлому имел такие последствия, как отказ от системного мышления и стремления к строгости философских понятий, пренебрежение философскими категориями, в ряду которых — «причина», «развитие», «истина»⁸. Накопленный в рамках диалектического материализма концептуально-методологический багаж объективно вполне может стать основой современной модели классической систематической философии. Однако нельзя сбрасывать со счетов субъективные факторы, чрезвычайно затрудняющие реализацию такой возможности.

Разумеется, модели философии не исчерпываются крупными системами и принципиально бессистемными дискурсами. В реальных философских исследованиях мы можем обнаружить разнообразные модели иного рода. В качестве примера рассмотрим применение систематического подхода с позиций проясняющей философии в рассмотрении в постиндустриальных контекстах классического философского понятия — знания.

Выражения «общество знаний» и «общество знания»⁹, вошедшие в моду относительно недавно, все чаще используются социологами, экономистами, теоретиками менеджмента для осмысления процессов, происходящих в хозяйственной и политической жизни, в информационной сфере, в структурах образования и науки, в отношениях внутри организаций и между организациями. В опубликованном ЮНЕСКО докладе с показательным заглавием «К обществам знания» утверждается: «Сегодня общепризнано, что знание превратилось в предмет колоссальных экономических, политических и культурных интересов настолько, что может служить для определения качественного состояния общества, контуры которого лишь начинают перед нами вырисовываться»¹⁰. Общество знаний приобретает черты нового социального идеала, определяющего направленность стратегий и программ региональных, национальных и международных структур.

Не удивительно, что знание сегодня становится экономической категорией, а с позиций финансово-экономического редукционизма именно экономическое измерение знания считается базовым. Проясняющая философия в данном случае выступает не как посредник в коммуникации, но как участник коммуникации, обладающий значительно более богатым, чем прочие, историческим опытом.

Знание с древних времен является одним из важнейших феноменов, исследуемых философией. Вопросы о том, что есть знание и как оно достигается, чем отличается настоящее знание от псевдознания, в чем

заключается ценность знания для человека, ставятся и обстоятельно обсуждаются уже в диалогах Платона. Результатом внутрифилософской специализации стало формирование в Новое время теории познания¹¹, в рамках которой изучаются виды знания, способы его организации и механизмы функционирования, критерии достоверности и формы соотнесения знаний с действительностью. Долгое время в центре теоретико-познавательных интересов находилось научное знание; образцом науки считалась математика, позже этот статус перешел к физике. Не удивительно, что, когда в XX в. оформляется новый раздел философского знания — философия науки, этот раздел развивается в тесной взаимосвязи с теорией познания. К началу века XXI в. и в философии науки, и в теории познания произошли существенные изменения. Повысилось внимание к методам гуманитарных наук и характерным для этих наук формам организации знания. Все больше интересуют философов формы и способы познания мира, отличные от научных. Осознается растущая роль техники (не в последнюю очередь — инфокоммуникационных систем и сетей) в производстве и распространении знаний. Происходит переосмысление теоретико-познавательной проблематики, предлагается вариант неклассической эпистемологии, построенной вокруг понимания знания как феномена культуры.

Естественно ожидать, что, обращаясь к вопросам, касающимся природы и перспектив общества знаний, философия, изучающая феномен знания более двух тысячелетий, не будет следовать в фарватере экономических дисциплин и политических программ. Проясняющая философия в данном случае не стремится переформулировать рассматриваемые понятия и суждения таким образом, чтобы достичь соответствия самым высоким требованиям строгости и точности. Проясняющая философия, следуя мудрому совету создателя науки логики¹², довольствуется той степенью определенности, которую допускает предмет рассмотрения, и сознает, сколь ограничены возможности точного анализа процессов общественной жизни и человеческого познания. При сопоставлении различных способов видения явлений и подходов к их изучению учитывается своеобразие применяемой в том или ином случае аргументации, обусловленное своеобразием опыта, позволившего выдвинуть соответствующие идеи и суждения.

Финансово-экономический редукционизм следует отличать от финансово-экономических исследований как таковых. Общество знаний немыслимо без экономики знаний, а оценка знания как экономического ресурса требует соответствующих способов измерения. Измерение затрат на производство знаний и доходов от «проданных знаний» необходимо, однако явно недостаточно для понимания экономических аспектов бытия знания. Экономика знаний как новое направление в экономической науке интересуется также данными,

традиционно относящимися к науковедению, например, количественными характеристиками различных категорий научных публикаций. Практическая направленность подобного рода исследований состоит, в конечном счете, в том, чтобы содействовать созданию благоприятных условий для развития экономики знаний¹³ как хозяйственного уклада. При этом речь может идти как о наукоемких и высокотехнологичных отраслях, так и об эффективном использовании знаний во всех отраслях экономики. Сегодня существуют различные системы показателей, характеризующих развитие экономики знаний. Так, индекс Всемирного банка определяется на основе показателей, относящихся к институциональному режиму, стимулирующему эффективное использование ресурсов и создание новой продукции, к уровню образования населения и возможностям переподготовки, к системе инноваций и технологической адаптации, а также к развитию информационно-коммуникационной инфраструктуры.

Впечатляющие размеры доходов от реализации интеллектуальных продуктов (при небольших или относительно небольших затратах материальных и финансовых ресурсов на производство таких продуктов), как и многократное превышение бухгалтерской стоимости высокотехнологичного бизнеса его рыночной стоимостью радикально меняют экономическую картину мира, и такие изменения характеризуются сегодня как порождаемые знанием. Данные подобного рода используются для измерения рыночной стоимости знания или того, что условно называют знанием.

Подчеркнем, что в подобных контекстах задача выделения собственно знания из многообразия факторов нематериального и нефинансового характера не ставится. Напротив, словом «знание» обозначают все «невидимые» активы. В учебнике «Управление знанием в инновационной экономике» поясняется, что к невидимым активам фирмы относят вложения в человеческий капитал фирмы и в НИОКР, сюда же включают торговую марку, интеллектуальную собственность, квалификацию менеджеров и персонала, отношения с потребителями и поставщиками, внутрифирменную культуру (этика и социальная ответственность — компоненты такой культуры). Все это называют также интеллектуальными активами или «знаниями», а управление такими активами — «управлением знанием»¹⁴. Очевидно, что смысл слова «знание» как термина профессиональной лексики менеджмента знаний существенно отличается не только от философских трактовок знания, но и от того, что понимают под знанием в повседневной жизни. Во всяком случае, в обычном мире не называют знанием ни торговую марку, ни отношения между людьми и организациями.

Из сказанного никоим образом не следуют какие-либо рекомендации по изменению профессиональной лексики менеджмента знаний или экономики знаний. Подобные рекомендации были бы не только

заведомо безнадежны, но и не имели бы достаточных оснований. В конце концов, творец языка — народ, в том числе и та часть народа, которая трудится в упомянутых областях. Выражение «измерение знаний» удобней в использовании и звучит привлекательней, чем длинное «измерение рыночной стоимости нематериальных активов».

Недоразумения возникают тогда, когда за пределами экономических контекстов ценность знания понимают как его рыночную стоимость или полагают, что можно измерить в денежных единицах знание как таковое. Коммерциализованное мировоззрение отказывается видеть мир без «финансово-экономических очков», оценка рыночной стоимости становится главной оценкой всего, что создано человеком. Суждения о художественных достоинствах литературного произведения или кинофильма выглядят легковесными и субъективными на фоне весомых и объективных показателей продаж, гонораров, кассовых сборов. Тиражи научных монографий кажутся убогими в сравнении с тиражами бульварных изданий, доход от продажи первых (если он вообще есть) неизмеримо меньше дохода от продажи последних — значит, монографии создают те, кто недостаточно талантлив, чтобы производить бульварную литературу. Так говорят сегодня — пока не все, но подобные заявления уже не выглядят удивительными. А завтра скажут, что и знаний в книге по физике меньше, чем в детективе — ведь знания измеряются деньгами. И будет ли публика слушать ученых экономистов, пытающихся разъяснить, что результат физических или математических исследований — особый вид знания и для его измерения нужны другие методы?

Утилитаристский редукционизм характерен для трактовки общества знаний знаменитым теоретиком менеджмента П. Дракером (Друкером). «От капитализма к обществу знания» («From Capitalism to Knowledge Society») — так называется первая глава книги этого автора «Постэкономическое общество», вышедшей в свет в 1993 г. и вскоре переведенной на многие языки. В этой работе представлен своеобразный итог многолетних исследований автора. Подчеркивая социопорождающую роль знания, Дракер характеризует знание не просто как силу, но как силу, способную создавать новое общество. «Пожалуй, нынешнее общество еще преждевременно рассматривать как “общество знания”»; сейчас мы можем говорить лишь о создании экономической системы на основе знания... Однако общество, в котором мы живем, определенно следует характеризовать как посткапиталистическое», — пишет он¹⁵. Посткапитализм, по Дракеру, наступил тогда, когда знание, служившее прежде одним из видов ресурсов, стало главным ресурсом, а земля, рабочая сила и капитал стали играть роль сдерживающих, ограничивающих факторов.

Дракер дает следующее разъяснение «современного» понимания знания: «Знание сегодня — это информация, имеющая практическую

ценность, служащая для получения конкретных результатов. Причем результаты проявляются вне человека — в обществе, экономике или в развитии самого знания»¹⁶. Заметим все же, что критерий полезности (при любом из возможных толкований полезности) не может быть единственным критерием знания. Взаимосвязь категорий знания и истины не есть измышление древних философов, которое сегодня может быть отброшено за ненадобностью. Эта взаимосвязь — одна из несущих опор деятельности человека, — в какой бы сфере эта деятельность ни протекала и какие бы жаркие споры о том, что такое истина, ни вели философы. Знание, практическая ценность которого не ясна, не перестает от этого быть знанием, а вот суждение, ложность которого стала очевидной, теряет статус знания, если таковой до тех пор имело.

Воздавая должное классическому идеалу организации знания в рамках стройной теории, проясняющая философия не считает отсутствие подобной теории (и даже сомнительность перспектив ее создания) свидетельством несерьезности предпринимаемых в рассматриваемой области познавательных усилий или незрелости их плодов. Проясняющая философия самым внимательным образом относится к новым формам концептуальных связей и взаимодействий, полагая важной своей задачей описание таких форм и изучение их возможностей.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Лекторский В.А. Философия, общество знания и перспективы человека // Вопросы философии. 2010. № 8. — С. 34.

² См.: Будущее философии: профессиональный и институциональный аспекты. — СПб.: Изд-во Русской христианской гуманитарной академии, 2011.

³ См.: Губин В.Д. Есть ли будущее у философии? // Будущее философии: профессиональный и институциональный аспекты.

⁴ См.: Лисеев И.К. Роль наук о жизни в переосмыслении современной философии // Науки о жизни и современная философия. — М.: Канон+, 2010. — С. 4.

⁵ См.: Ковальчук М.В. Конвергенция наук и технологий — прорыв в будущее // Российские нанотехнологии. 2011. Т. 6. № 1 — 2.

⁶ Васильев В.В. Есть ли будущее у систематической философии? // Философские искания. Московско-Петербургский философский сборник. — СПб.: Изд-во СПбГУ, 2010. — С. 16.

⁷ См. там же. — С. 19.

⁸ См.: Алексеев А.П. Самосознание философии // Философские искания. Московско-Петербургский философский сборник. — С. 12.

⁹ И единственное, и множественное число слова «знание» в этих выражениях одинаково законны. Предпочтение того или другого может быть обусловлено вкусом автора, контекстом рассмотрения, желанием акцентировать характеристики единства или разнообразия, выступающие на первый план в анализируемой ситуации. Русское «общество знаний» (как и «общество знания») соответствует английскому «knowledge society».

¹⁰ К обществам знания. Всемирный доклад ЮНЕСКО. — Париж, 2005. — С. 7.

¹¹ Этот раздел философии называют также гносеологией (греческое слово «гносис» означает «познание»), а в последнее время все чаще – эпистемологией (греческое «эпистеме» означает «знание»).

¹² Аристотель говорил: «Рассуждение будет удовлетворительным, если удастся добиться ясности, сообразной предмету, подлежащему рассмотрению. Ведь не во всех рассуждениях, так же как не во всех изделиях ремесла следует добиваться точности в одинаковой степени» (*Аристотель*. Никомахова этика. 1094b 10 – 15).

¹³ Экономiku знаний в этом смысле называют также знаниеемкой экономикой и экономикой, основанной на знаниях.

¹⁴ См.: Управление знанием в инновационной экономике: Учебник. – М.: Экономика, 2009.

¹⁵ *Дракер П.* Посткапиталистическое общество // Новая постиндустриальная волна на Западе. Антология / под ред. В.Л. Иноземцева. – М.: Academia, 1999. – С. 71 (перевод выполнен по изданию: *Drucker P.F.* Post-Capitalist Society. – N. Y.: Harper-Collins Publishers, 1995).

¹⁶ Там же. – С. 99.

Аннотация

Перспектива участия философии в так называемой НБИКС-конвергенции (т.е. конвергентном развитии нано-, био-, инфо-, а также когнитивных и социогуманитарных наук и технологий) открывает новые пути самопознания философии. Речь идет о построении разнообразных моделей философии, позволяющих не только описывать и объяснять существующие формы деятельности и знания, но и конструировать новые. В качестве примера предлагается модель концептуальных связей и взаимодействий в междисциплинарной тематике «общества знаний».

Ключевые слова: модели философии, НБИКС-конвергенция, проясняющая философия, общество знаний.

Summary

Participation of philosophy in so called NBICS (converging development of nano-, bio-, info-, cognitive and social technologies supplemented with humanities-based technologies) opens new ways of self-knowledge in philosophy. Diversity of models of philosophy for understanding and construction of new forms of knowledge and action may arise on these ways. A model presented in the paper is aimed to clear up conceptual links and interactions in the interdisciplinary problem of “knowledge society”.

Keywords: models of philosophy, converging technologies, NBICS, clearing philosophy, knowledge society.